

Об отношении Г. В. Плеханова к искусству, по личным воспоминаниям¹⁾.

Товарищи! Я выступаю сегодня от социологической секции Академии художественных наук и буду держаться строго своей темы. Не стану касаться Плеханова, как политического борца, и вообще его многогранной, богатой многообразным духовным содержанием личности, а займусь краткой характеристикой его отношения к искусству на основании моих личных воспоминаний. Но позвольте, тем не менее, предпослать несколько предварительных замечаний. Историк материализма Ф. А. Ланге, определяя материализм как мировоззрение, составляющее основу положительного знания, ставил ему в упрек бедность суб'ективным идеологическим содержанием.

Идеалистическая метафизика, хотя и является поэзией понятий, но она может гордиться своим родством с религией, поэзией и искусством, а, ведь, это, большое преимущество.

В известном смысле, Ф. А. Ланге был прав. Материализм до Маркса и Энгельса, действительно, держался в стороне от исторического содержания культуры человечества. Его главной сферой исследования были основы естествознания. Лишь в критических эпохах материалисты обращали свои взоры на государство и этику, как, например, Т. Гоббс и французские материалисты XVIII стол. Эстетика, искусство должны были казаться им исключительно суб'ективной областью, к которой невозможно применение научных методов исследования, а то, что не может быть предметом положительной науки, не интересует материалистов. Только Дидро, следуя отчасти своей глубоко художественной натуре и назревшим требованиям эпохи, заложил некоторый фундамент научной эстетики.

Материалистическое понимание истории, поставившее своей целью дать строго-научное объяснение всему историческому содержанию, должно было, естественно, обратить внимание и на искусство.

Но основоположники материалистического понимания истории, Маркс и Энгельс, были не только кабинетными мыслителями, но и бойцами на поле битвы жизни. Теоретические задачи, непосредственно связанные с интересами практического движения пролетариата, стояли на первом плане. Вопросы искусства были поэтому отодвинуты на задний план.

¹⁾ Речь, произнесенная на собрании, созванном социологической секцией Академии художественных наук и посвященном чествованию памяти Г. В. Плеханова по случаю 4-ой годовщины смерти.

В найденном наброске предисловия к „Критике политической экономии“ Маркса мы находим, как на это указал только что Петр Семенович Коган, три страницы, посвященных искусству. Но, к сожалению, рукопись обрывается. Как всегда у Маркса, содержание этих страниц интересно глубоким подходом к проблеме, но это между прочим. Важно то, что Маркс в предисловии, где дается формулировка материалистического понимания истории, останавливается специально на вопросе об искусстве. Энгельс ничего не оставил нам из этой области.

Серьезное внимание на проблемы искусства обратил Г. В. Плеханов. Влечение Г. В. к этой проблеме объясняется, на мой взгляд, следующими причинами. Во-первых, Г. В. Плеханов был в высшей степени сложной, художественной натурой: красота и искусство играли выдающуюся роль в его духовной жизни. Во-вторых, Г. В. получил свое революционное, духовное воспитание на произведениях Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Во всех европейских странах литературная критика имело колоссальное значение в критических эпохах. Но у нас в России на ее долю выпала особенно выдающаяся роль. При условиях полицейского самодержавия художественная критика являлась протестующим, революционным началом, подвергая критическому рассмотрению литературу, а в ее лице российскую действительность. Художественная критика имела историческое значение. Наши знаменитые критики соединяли вместе с революционной мыслью философское мировоззрение и глубокую художественную оценку. Г. В. шел по стопам своих первых учителей Белинского, Чернышевского. Как известно, Белинскому Г. В. посвятил обширную статью, Чернышевский и его творчество стали темой обширного произведения.

К „Неистовому Виссариону“ Плеханов чувствовал такую глубокую привязанность и такое сильное, духовное родство, что его предсмертным желанием было быть похороненным вблизи могилы гениального критика. Это желание исполнено. Прах Г. В. покоится в соседстве с останками гениального критика.

Из сказанного, думается мне, вполне очевидно, какое сильное влияние оказала русская общественная мысль на духовное развитие основателя русского марксизма. Далее, отношение Г. В. к искусству обуславливалось еще моментом, имевшим решающее и завершающее значение.

Этот момент—учение Маркса и Энгельса, взгляды основателей научного социализма на общественное развитие и их представление о характере и содержании революции.

Народники 70-ых годов, к течению которых принадлежал в

юные годы Плеханов, были к искусству более чем равнодушны. Хождеие в народ требовало опрощения. Искусство было для них терпимо, поскольку оно было тенденциозно, т. е. поскольку „художественное“ произведение грешило против требований эстетики. Тенденциозные повести Решетникова, лишённые художественных достоинств, ставились выше „Детства, юности и отрочества“, которое нашло себе должную оценку лишь в избранных литературных кругах. Такое отношение к искусству вытекало из всего мировоззрения народничества. Другое дело—революционное учение, вытекающее из исторического материализма. Тут не может быть речи об опрощении, о приспособлении к массам путем понижения культурных форм. Задачей представителей научного социализма является, как известно, главным образом, развитие сознания масс, не только политического сознания, как это склонны думать многие, но всестороннего, научного, этического и эстетического. Форма пропаганды социалистических идей должна соответствовать углубленному, серьезному научному содержанию. Истинная проповедь марксиста должна поднимать слушателя или читателя, а потому грубая форма, демагогия, дешёвые эффекты так же неуместны, как неуместны такие формы выражения мысли в научном произведении. Популярность изложения, необходимая для пропаганды массам, требует еще более настоятельно художественной формы.

Этими взглядами был проникнут Плеханов.

Разрешите в подтверждение сказанного привести следующий, по моему мнению, необычайно характерный эпизод.

В 1905 г. после знаменательного 9-го января, в Женеву приехал Гапон, который немедленно после приезда явился к Плеханову. Не стану рассказывать интересные, впрочем, подробности его появления, последующие переговоры, разговоры и заседания с этим несчастным человеком. В связи с моей сегодняшней темой, заслуживает внимания лишь следующая сцена.

Гапон написал нечто в роде поэмы, темой которой было хождение петроградского пролетариата, с ним во главе, к царскому дворцу. Поэма была написана в грубых, демагогических тонах, вульгарное содержание выразилось в соответственно грубой, демагогической форме. Гапон решил прочесть ее Плеханову и мне. В кабинете Г. В. Гапон и прочел ее. Кроме нас троих никого не было. Во время чтения Г. В. слушал, как всегда, серьезно, внимательно, не пропуская, я уверен, ни одного слова,—манера слушать Г. В. мне была хорошо знакома.—По выражению его лица нельзя было бы определить, нравится ли ему вещь, или нет, что, между прочим, вытекало не из нарочитой скрытности, а было следствием полного внимания к читанному.

Гапон читал, лишь изредка поглядывая на своих слушателей, в особенности, конечно,—на Г. В. Чтение кончилось, наступило минутное молчание. Затем Плеханов встал. Я видела Плеханова в продолжение долгих периодов и при различных положениях. Но таким я его видела в первый и единственный раз. Г. В., вообще имея довольно импонирующую внешность, как бы сразу вырос во много раз и как-то внезапно стал чрезвычайно большим и величественным: „Так вы думаете,—обратился он к Гапону,—что к народу можно и нужно обращаться с такими детскими сказками? Народ—это, ведь, самая большая сила в историческом движении, народ—это великая вещь, и обращаться к нему с убажкивающими сказками есть прямое и ничем неоправдываемое преступление. Идти в народ значит уметь говорить серьезно и, соответственно, этому облекать свою речь в простую, ясную и истинно-красивую форму, а вы, вот, вообразили, что народ из мальчишек, и что ему можно рассказывать, поэтому, вульгарные сказки.“

Гапон был очень смущен и страшно побледнел. Тут Плеханов взглянул, дав мне понять, что лучше мне удалиться, так как мое присутствие ему мешало развернуть надлежащим образом свою политическую речь: он все же щадил Гапона. Я ушла. На следующий день явился ко мне Гапон. Я обратилась к нему с вопросом: „А что, отец Гапон, как вам вчера понравился Плеханов?“—Позвольте мне сделать отступление и сказать мое впечатление о Гапоне. Оно следующее: несчастные стороны характера этого человека привели его к самому страшному преступлению—к предательству. Тем не менее, Гапон был очень чутким человеком, и в душе его был несомненный контакт с народной массой. Он, поэтому, живо почувствовал большого человека и истинного представителя народа и на мой вопрос ответил таким образом: „Знаете, Любовь Исааковна, если бы мои привычки священника не оскорбили Плеханова, я пал бы перед ним на колени и поцеловал бы его ноги; он истинный представитель народа“.

Он понял Плеханова. Я убеждена, что эта черта Георгия Валентиновича,—его понимание и толкование развития сознания масс,—обуславливала собой его глубокое отношение к искусству. Вопросами искусства он занимался очень серьезно.

Начиная с костюма, который всегда был приличен, несмотря на бедность,—а я узнала Плеханова и его семью в ту эпоху, когда нужда была абсолютной властительницей дома, когда у него был один лишь костюм,—Г. В. никогда не имел опущенного вида и никогда не походил на обычный тип, тип русского эмигранта-нигилиста. Начиная от костюма и кончая стилем, над которым он работал с чрезвычайной тщательностью, он был эстет в подлинном, высшем, истинном смысле этого слова. И как уже упомянуто выше, этот эсте-

тизм находился в полной связи с его представлениями о культурном смысле пролетарского движения.

Не имея ни малейшего желания беседовать с вами на теоретические темы, я буду, с вашего разрешения, продолжать речь беглыми воспоминаниями об отношении Г. В. Плеханова к искусству.

Четыре года тому назад, как раз в этот вечер, ко мне пришла потрясающая весть о кончине Г. В. Ярко вспоминая этот тяжкий час, мне хотелось бы остановиться на личной, интимной стороне отношении Плеханова к искусству. Я надеюсь и уверена, что и вы, пришедшие сюда чествовать память основателя русского марксизма, разделяете со мною это настроение.

Плеханов всегда читал художественную литературу. Я жила в его доме года два, от 1892 до 1894, а впоследствии жила года два рядом, в следующем доме. (Плехановы жили в Женеве Rue de Candelle 6, а я потой же улице д. 4). Я, следовательно, имела полную возможность наблюдать за процессом работы Г. В., Читал Г. В. всегда. И Г. В. в моем представлении существует не иначе, как с книгой. И среди чтения по разнообразнейшим вопросам беллетристика занимала видное место. Из русских художников любимыми были Пушкин, Гоголь, Толстой и Успенский. К Достоевскому он относился с явным нерасположением.

Помню, как однажды в беседе о русской литературе я высказала ту мысль, что Достоевский является более демократическим писателем, нежели Толстой и Тургенев, у которых сильно чувствуется принадлежность к дворянскому сословию. Достоевский, говорила я, чутко относится к угнетенным. „Да,—ответил Г. В.,—Достоевский, действительно сочувствует угнетенному, но этот угнетенный должен быть хоть немного сумасшедшим“. Любил он читать и Некрасова, но не во всем удовлетворяла его форма. Впрочем, отношение Г. В. к Некрасову выразилось в его статье о поэте.

Из литераторов позднейшего поколения Г. В. любил и очень высоко ставил Чехова и Короленко. Чехова читал часто и перечитывал. В Горьком признавал, конечно, большой талант, но коробила грубость формы, малая степень эстетической культуры, да и не соответствовала в творчестве Горького общему направлению Плеханова романтика босяков. Из немецкой литературы, он был глубоким почитателем Гете. Шиллера не любил, и это нерасположение к творчеству Шиллера объясняется, на мой взгляд, одной основной чертой Г. В. Плеханова. Плеханов отличался необычайной искренностью, в настоящем значении этого слова, той именно искренностью, о которой Ромэн Роллан говорит, что она такое редкое качество, как ум, красота и доброта. Плеханова коробила самая малейшая фальшь, самая незначительная искусственность. Во всем, что бы он ни делал, о чем

бы ни говорил, он был весь там; это и есть искренность. Творчество же Шиллера казалось ему несколько приподнятым, впрочем, были исключения,—Г. В. очень любил „Вильгельма Телля“. Гению же Гете он поклонялся, в буквальном смысле этого слова, в особенности восхищался первой частью Фауста, вторую часть считал нехудожественной. С особенным интересом относился к Мефистофелю. Мышление этого философа диалектики и разрушения некоторым образом соответствовало диалектическому методу. Недаром же его так часто цитировали Гегель и Энгельс. Но ставя высоко „Фауста“, Г. В. находил один элемент излишним, нарушающим величие этого творения.

Таким лишним элементом была трагедия любви Гретхен. Эта трагедия портила, по его мнению, общую картину. Фауст, это—трагедия познания, это—эпопея человека и человечества. А трагедия любви Гретхен—маленький, незначительный эпизод. Мефистофель—этот философ-разрушитель, сатана-богоборец, и чем же он занимается в трагедии „Фауста“—тем, что помогает Фаусту соблазнить 14-тилетнюю девченку. При этом он с любовью ссылался на то место Гегеля, где великий немецкий идеалист говорит с суровой иронией о вкоренившейся привычке художников вечно возиться с сюжетом, как молодой Ганс полюбил молодую Гретхен. Плеханов всецело стоял на точке зрения Гегеля, что пора, наконец, перестать считать в творчестве половую романтическую любовь главной темой. Романтическая любовь имеет, конечно, свое значение, этого Г. В. не отрицал, конечно, но ее значение—ничто в сравнении с другими явлениями исторической действительности.

Г. В. очень любил Гейне, преимущественно—его сатиру. Из интимной лирики, Г. В. любил „Бурный поток“ и „Азра“, Этот романс Рубинштейна он слушал всегда с восхищением и часто просил свою жену Розалию Марковну петь его (у его жены был чудный голос).

Из английской литературы любимыми авторами были Шекспир, Байрон и Шелли, с особенно трогательным чувством относился к Диккенсу. В творчестве Шекспира он высоко ценил исторические драмы, в которых нашли свое отражение политическая жизнь Англии и некоторые черты эпохи Возрождения. Любил Гамлета, которого иногда цитировал, замечая при этом: „Так думал еще принц датский“. Цитировал он часто Макбета. Но терпеть не мог „Короля Лира“ и считал эту драматическую фигуру взбалмошным стариком. Не будучи согласна с этой оценкой, я высказывала свой взгляд на эту трагедию Шекспира и: однажды мне показалось, что Г. В. сдался. Это было при следующих обстоятельствах, в конце девяностых годов, когда происходила борьба между группой „Освобождения Труда“ и примыкающими к ней революционными социал-демократами с экономистами. Группа „Освобождения Труда“ после долгих неприятных перипетий

отдала союзу свое революционное имущество: шрифт и какие-то еще типографские принадлежности. Группа „Освобождение Труда“ осталась без орудий. Понадобилось кое-что напечатать, и вот Плеханов оказался в драматическом положении. В этот момент я, обратившись к нему, заметила: А, вот, видите, Г. В., вы сейчас в положении „Короля Лиры“. Он улыбнулся, немного подумав, ответил: „А король Лир, все-же, взбалмошный старик“. Это отношение к королю Лиру вытекало не из каприза индивидуального вкуса, оно, как мне думается, коренилось в его революционной природе. Несмотря на всю разносторонность Г. В., он, повидимому, не был в состоянии проникнуться трагедией короля, лишившегося преждевременно своего трона.

Занимаясь фактически искусством и разработкой художественных течений в русской литературе, Г. В. всегда носился с мыслью подвергнуть исследованию эту великую отрасль человеческой культуры с материалистической точки зрения. Приступил же он к этой работе с полной определенностью в начале девяностых годов. И вот, работая над этой темой, он прочитал прямо невероятное количество книг. У меня хранится значительное количество писем Плеханова, из этих писем можно видеть, сколько он читал. Дело в том, что ему не хватало собственной обширной библиотеки, ни женевских библиотек, и я ему высылала книги из Берна. Бернская государственная библиотека имела возможность выписывать для некоторых лиц книги из германских библиотек. Помню хорошо, как я надоедала библиотекарю, и тут же не могу не выразить восхищения этим чудесным стариком, который всегда шел навстречу моим просьбам. Книжки по эстетике направлялись целыми большими пакетами Плеханову в Женеву. Это были произведения классиков по эстетике. Но отвлеченная метафизическая эстетика, ставящая проблему о красоте в себе, мало что могла дать теоретику исторического материализма.

Вопрос был поставлен на чисто историческую почву, именно: каково происхождение искусства? Г. В. обратился к этнологии, которую он и до того времени знал весьма основательно. Но проблемы искусства требовали рассмотрения фактов иного порядка в культуре. И вот, началась работа. Я снова стала надоедать библиотекарю государственной библиотеки. Но милый швейцарец сохранил свое прежнее отношение.

Могу сказать с полным убеждением, что Плеханов прочел все, что имеется по этому вопросу, когда он, наконец, прочитал свою статью о первобытном искусстве (она помещена в сборнике „Критика наших критиков“). Он приехал читать ее в виде лекции в Берн. Вообще, надо заметить, Г. В. любил читать свои работы до их напечатания публике. Непосредственное впечатление, которое производило сочинение на слушателей, имело для него большое значение. Это объяс-

няется тем, что Плеханов был бойцом, и что главным стремлением его творчества являлась пропаганда излюбленных марксистских идей К прочитанным лекциям о первобытном искусстве публика осталась в общем равнодушна. Она совершенно не поняла Плеханова. Ей казалось, что речь идет о первобытной культуре в общем ее смысле, о которой она читала в известных книгах Липперта и др.

Помню рассказ Плеханова о том, как подошла к нему после лекции девица и заявила с решительным видом: „А, ведь, я все это знала“, — на что Г. В. ответил: „Искренно завидую вам, некоторые вещи я узнал только 2 — 3 недели тому назад“. Эта энциклопедистка отразила, без сомнения, общее отношение большинства слушателей ¹⁾.

Плеханов продолжал свою работу упорно и серьезно, но сложность предмета, с одной стороны, и высокая требовательность, с другой, работа над „Развитием русской общественной мысли“, с третьей, фатально отодвигали задуманное сочинение об искусстве на задний план.

Месяца за три до кончины, когда Г. В., повидимому, подводил общие итоги своей жизни и деятельности, он с глубоким сожалением раз заметил, что как-то не удалось использовать весь накопленный материал по вопросам искусства и довести до конца задуманный труд Искусству он придавал колоссальное культурное утилитарно-пропагандистское значение.

В обще-культурном смысле искусство должно было, с точки зрения Плеханова, заменить религию. Религия, будучи плодом фантазии и воображения, выдает себя за действительность, между тем как искусство, отражая действительность, является тем, что оно есть в самом деле, — плодом художественного воображения. А в частности, театр должен заменить собой церковь. Перед нами прошел целый ряд авторов — художников, которые высоко ценились Плехановым. Среди них мы видели и реалистов, и романтиков. Спрашивается, какого-же направления в искусстве придерживался Плеханов? Само собой разумеется, что в художественном творчестве на первом плане стоит талант, этим и объясняется то обстоятельство, что в числе излюбленных поэтов были Байрон и Шелли. Но что касается общего направления, то Плеханов стоял на твердой почве реализма. Искусство имеет свою задачей отражать действительность, но не только, как она есть, но и так, как должна быть; иными словами, — действительность в ее наступательном

¹⁾ Это было в 1903 г. (до второго съезда, летом); коллектив „Искры“ решил устроить ряд лекций в Бернской колонии, где было очень много сочувствующей социал-демократии молодежи. Плеханов прочел 8 лекций об искусстве, Ленин — 7 лекций по аграрному вопросу и 4 — 6 лекций по философии Канта.

движении и развитии. Ясно таким образом, что долженствование, идеалы, которые должны найти свое отражение в художественном творчестве, также заключаются в действительности. Коротко можно эту точку зрения формулировать словами Гете:

„Greift nur hinein ins volle Menschenleben,
Ein jeder lebt's, nicht vielen ist's bekannt,
Und wo er's packt, da ist's interessant.“

К символическому искусству Г. В. относился крайне отрицательно. Восхищаясь колоссальным талантом Ибсена, признавая его огромную драматическую силу, он все же не мог без раздражения говорить о Пэр-Гюинте. Надо еще прибавить, что реалистическое направление в искусстве вытекало из общего принципа материалистического понимания истории. Оно являлось логическим следствием той высокой оценки самого исторического процесса и общего оптимистического взгляда на историю человечества.

Что же вам в заключение еще сказать? Скорбный час, и тяжело, слишком тяжело вспомнить, что четыре года тому назад скончался преждевременно, в цвете духовных сил, большой и благородный мыслитель, основоположник русского марксизма и один из столпов международного пролетарского движения. Жизнь Г. В. была прекрасной, художественной поэмой, полной глубоких драматических эпизодов. Не раз Г. В. бывал в положении ибсеновского доктора Штокмана. Но таков удел истинно исторических личностей.

Было подано 17 записек из публики с различными вопросами. Вот ответы на некоторые вопросы, которые были даны Л. И. Аксельрод.

Как относился Плеханов к Толстому? Разрешите указать на то, что есть статья Плеханова о Толстом, напечатанная в 1910 году в московском большевистском журнале „Мысль“. По моим личным воспоминаниям, личная оценка такова: как художник, Толстой силен и велик, как мыслитель—слаб.

Плеханов был революционером с головы до ног, и принцип непротивления злу насилием, конечно, не мог вызвать в нем никакого сочувствия и ни с какой точки зрения.

Кто был любимым композитором Плеханова? Г. В. любил музыку вообще, но самое глубокое и самое сильное впечатление производил на него Бетховен. Мощная гармония, сила и героизм в творчестве Бетховена находили себе полный отклик в сложной и сильной душе Плеханова. Вспоминаю один, как мне кажется, любопытный эпизод следующего характера. Мне несколько раз пришлось слушать исполнение Бетховена вместе с Г. В., и всегда слышала от него восторженные отзывы о творчестве великого мастера. Однажды имевшийся в Женеве замечательный хор (это был, а может и в настоящее время существует, городской хор, состоявший из 500 человек, в нем

участвовали все музыкальные силы города, безразлично, какого класса) решил поставить торжественную обедню Бетховена.

Были приглашены знаменитые солисты, прекрасный оркестр, словом, от концерта ожидали многого. Я выразила желание пойти на концерт, спросив тут же, собираются ли на концерт он и семья. Г. В. ответил, что не любит религиозной музыки. Надо заметить, что к религии Г. В. питал полное отвращение. Он никак не мог понять, каким это образом могут образованные и умные люди найти субъективное удовлетворение в мирозерцании бабушек и прабабушек. Что, разумеется, ему нисколько, не мешало считать серьезной задачей научное, историческое исследование религии. Но это — между прочим. Возвращаясь к концерту. Я продолжала настаивать на том, что концерт несомненно будет весьма интересным. Присоединилась Розалия Марковна Плеханова, и кончилось тем, что Г. В., вся его семья и я отправились слушать „торжественную обедню“. Исполнение было классическое, глубоко проникновенное, и сейчас вспоминаю с изумительной отчетливостью это благоговейное величие и силу чувства. Г. В. слушал серьезно, сосредоточенно, и чем дальше, тем отчетливее отражалось на его лице то сильное действие, которое произвело на него исполнение „торжественной обедни“.

На возвратном пути он был совершенно погружен в себя, под явным впечатлением музыки.

Ночь была, помню как сейчас, душная (дело было летом), темная, в воздухе зрела гроза.

Улицы Женевы были еще освещены. Плеханов шел с открытой головой, держа шляпу в руках. И в этот момент он казался выше своего обычного роста.

В продолжении недели он вспоминал концерт.

Л. И. Аксельрод.

* * * * *

Г. В. Плеханов и „научная эстетика“.

Среди многочисленных заслуг Плеханова нельзя не указать и на ту, что он был одним из основоположников марксистской социологии искусства. Между тем, как Маркс оставил нам кроме общей концепции исторического материализма лишь сравнительно небольшой фрагмент, посвященный искусству, а Энгельс вопросами искусства и вообще не занимался, между тем как Каутский и Меринг совершали лишь экскурсии в область искусствоведения, да и то лишь в область литературы и почти исключительно немецкой, Плеханов первый из теоретиков марксизма поставил определенно пролеблю о